РОЛАНДЪ
И
СЕРАФИНА,
ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ.

Переводъ съ Французскаго.

Часть вторая.

МОСКВА.
Въ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1789.

РОЛАНДЪ и СЕРАФИНА.

ПИСЬМО 33.

Отъ Серафины къ Юліи.

Юлія! сколь трудно было мнѣ скрыть отъ Роланда истинное мое состояніе! Боги! естьли бы онъ вѣдалъ, что его супруга находится въ сералѣ, и во власти жестокаго гонителя: то тогда ничто уже бы не могло утишить его гнѣвъ; мнѣ довольно извѣстно гордое и неукротимое его сердце. Единое воображеніе о моей неволѣ заставитъ его на все отважиться. Ахъ! сколь для меня пріятно, что онъ подозрѣваетъ въ невѣрности свою супругу, которой сердце отъ

того еще болѣе воспламеняется любовію. Юлія! никогда еще моя неволя не казалась мнѣ столь ужасною, какъ теперь. Я не могу уже болѣе взирать безъ хладнокровія и ужаса на чудовище, которое меня держитъ въ своей власти. Одна только надежда, тобою подаваемая мнѣ о скоромъ моемъ освобожденіи, подкрѣпляетъ жизнь мою, и препятствуетъ мнѣ предаться отчаянію.

ПИСЬМО 34.

Отъ Юліи къ Карлосу.

Роландъ свершилъ пагубное свое намѣреніе; онъ уѣхалъ, онъ скрылся; увы! можетъ быть и навсегда. Сего утра прогуливалась я весьма рано не подалеку отъ нашей хижины, и будучи углублена въ своихъ размышленіяхъ, вдругъ усмо-

трѣ-

трѣла я куріера, которой остановился у дверей оной. Я тотчасъ узнала, что онъ привезъ ко мнѣ письмо отъ Серафины, и побѣжала съ скоростію, чтобъ принять его. Но увы, пагубное гуляніе! ты было причиною всѣхъ нашихъ нещастій; ибо сколь скоро я ни спѣшила и ни торопилась, но не могла поспѣть, чтобъ принять то письмо, и приближившись туда, къ великому моему огорченію услышала я, что мальчикъ небольшаго возраста привезъ лишь только предо мною пакетъ, и отдалъ Роланду. Отъ сихъ словъ я поблѣднѣла, и была внѣ себя отъ страха. Я пошла тотчасъ въ его комнату, гдѣ увидѣла его колеблемаго и дрожащаго. Сестрица! сказалъ онъ мнѣ, я получилъ письмо отъ Серафины, и наконецъ совершенно увѣрился, что она жива, и горитъ ко мнѣ прежнею любовію. Но Юлія! при-

бавилъ онъ, оставь меня одного; я не могу воздержать моихъ восторговъ. Какое вкушать буду я неограниченное щастіе, читая тѣ драгія строки, которыя писаны рукою нѣжной моей супруги! Я, увидя, что письмо было надписано на его имя, вѣрно надѣялась, что въ немъ ничего такого не содержалось, чего хотѣлось ему знать; и такъ я, не воображая никакого нещастія, вышла съ спокойнымъ сердцемъ изъ его комнаты. Утро тогда было весьма прекрасно; я непримѣтно удалилась отъ нашей хижины, и предавшись опять своимъ размышленіямъ, зашла весьма далеко, и возвратилась уже домой около обѣда. Какъ скоро хозяйка меня увидѣла, то и побѣжала ко мнѣ навстрѣчу съ подняшими руками и со всѣми знаками, изъявляющими жестокую печаль. Слезы сперва возпрепятствовали ей говорить

рить. Я же съ своей стороны, не зная о какомъ нещастіи хочетъ она меня увѣдомить, стояла, дрожа отъ страха. Наконецъ она мнѣ объявила, что какъ скоро я ушла, то она вдругъ услышала великое движеніе въ Роландовой комнатѣ, и думая, что ему потребна какая нибудь помощь, или въ чемъ нибудь нужда, вошла въ его комнату; но она къ великому своему удивленію и страху нашла его ходящаго взадъ и впередъ съ бродящими и мутными глазами, и біющаго себя съ жестокостію въ грудь. Она спрашивала его, не имѣетъ ли онъ въ чемъ нужды, но не получила никакого отвѣта; а слышала только, что онъ проклиналъ, и возсылалъ страшныя хулы и ругательства на все естество и на самаго себя. Бѣдная крестьянка, будучи внѣ себя отъ страха, побѣжала къ своему мужу, которой тогда рабо-

талъ на полѣ не подалеку отъ избушки; но когда она съ нимъ пришла, то къ пущему своему удивленію и страху не нашла уже болѣе Роланда въ своей комнатѣ. Она прибавила, что нѣкоторые крестьяне, услыша о таковомъ происшествіи, поѣхали его искать. Я не могу тебѣ описать, какое тогда было мое состояніе, когда я услышала сіе страшное извѣстіе. Я была долгое время безъ чувствъ и безъ разума. Добродѣтельная и великодушная крестьянка прилагала обо мнѣ всевозможныя старанія; и когда она увидѣла, что я пришла въ прежнее свое состояніе, то подала она мнѣ письмо, надписанное на мое имя, и увѣдомила меня, что она нашла лежащее на столѣ по уходѣ моего брата. Я тотчасъ узнала, что оно было отъ Роланда, и почла за нужное присоединишь его здѣсь; тогда изъ содер-

жа-

жанія онаго ты увидишь, какое дѣйствіе оно произвело въ моемъ сердцѣ.

Однакожъ я, не взирая на печаль мою, ни въ чемъ себя не укоряю; ибо я хранила сію тайну со всевозможнымъ раченіемъ, которая бы могла причинить смерть моему брату, естьли бы она открылась ему въ прежнемъ его состояніи; но теперь, великій Боже! что произойдетъ отъ сего бѣдственнаго открытія! Я страшусь чрезмѣрной горячности Роланда. Ахъ, Карлосъ! не потеряй ни минуты, бѣги, ищи его; ты знаешь, что жизнь Роланда несравненно дороже мнѣ своей.

ПИСЬМО 35.

Отъ Роланда къ Юліи.

Нѣтъ, Юлія! ты теперь не можешь назваться моею сестрою,

ты мнѣ измѣнила и обманула, будто бы своего врага; но слава Богу! подозрѣніе мое открылось въ самой справедливости. Мнѣ нечаянно попался въ руки тотъ пакетъ, которой былъ къ тебѣ надписанъ, и въ которомъ содержалась вся сія плачевная тайна. Я разпечаталъ его съ нетерпѣливостію, и нашелъ въ немъ къ себѣ отъ Серафины письмо, и еще листъ сложенной. Увидя его, сердце мое почувствовало, что въ немъ нѣчто скрывается; и лишь только хотѣлъ его читать, какъ въ то самое время ты вошла въ мою комнату: я тебѣ показалъ то письмо, которое было надписано на мое имя, и просилъ тебя одного меня оставить. Какъ скоро ты ушла, то я, развернувъ его, увидѣлъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ содержалъ въ себѣ ту плачевную тайну, которую вы съ толикимъ трудомъ

домъ

домъ отъ меня скрывали. Боги! за что вы меня столь жестоко наказуете? Я до сихъ поръ наслаждался тишиною и спокойствіемъ, но теперь та, которую я обожаю, подвержена всѣмъ жестокостямъ поноснаго рабства. Юлія! для чего ты скрывала отъ меня плачевную ея участь? Но клянусь самимъ небомъ отмстить за нее похитившему и утѣсняющему ея чудовищу; оно скоро погибнетъ отъ моихъ ударовъ.

Прощай, Юлія! ты скоро услышишь либо о смерти нещастнаго Роланда, либо о избавленіи Серафины.

ПИСЬМО 36.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Я не удивляюсь скоромтенъ, бѣгу моего друга; ибо мнѣ доворъ на-

извѣстно горячее и вспыльчивое его сердце; но надѣюсь скоро его найти и укротить его ярость. Юлія! я клянусь тебѣ исполнить мое обѣщаніе, успокойся, и не предавайся жестокой твоей печали; повѣрь, что Карлосъ употребитъ всевозможныя средства, чтобъ найти своего друга, и раздѣлять съ нимъ всѣ его опасности. Положи всю свою довѣренность на такого человѣка, которой тебя любитъ и обожаетъ болѣе всего на свѣтѣ; знай, что твое спокойствіе гораздо ему своего дороже. Я увѣренъ, что Роландъ непремѣнно отправился въ Варшаву. Я его буду здѣсь дожидаться, и ежеминутно посылать къ тебѣ о немъ извѣстія. Храни свое здравіе, прекрасная Юлія! наполнись мужествомъ; увы! ты сама знаешь, что безъ труда никакъ держать оно достигнуть до верьну, щастія. Тщетно старался я

скрыть

скрыть отъ тебя, что всѣ старанія, прилагаемыя объ освобожденіи Серафины, не имѣли ни малаго успѣха; но однакожъ меня увѣрили, и обнадежили, что еще другой посланной назначенъ ѣхать въ Константинополь подъ именемъ Посланника, и что уже никто не сомнѣвается, чтобъ онъ не получилъ желаннаго успѣха.

ПИСЬМО 37.

Отъ Османа, Повелителя правовѣрныхъ, къ Гамету, Великому Визирю.

Я тебѣ повелѣваю наискорѣе приуготовить все потребное къ нашему отъѣзду, чтобъ свита моя состояла въ многочисленномъ экипажѣ. Дамаскія наши войска всѣ уже собрались; будь извѣстенъ, что Государь твой до тѣхъ поръ на-

находиться будетъ въ великой опасности, пока не накажутся сіи грубые и наглые янычары, да сверьхъ же того мы должны еще гораздо болѣе опасаться и страшиться требованій, которыя предлагаетъ и дѣлаетъ намъ Польша, и кои день отъ дня становятся несноснѣе. Грубость, съ каковою ея Посланники осмѣливаются требовать Серафининой свободы, возбуждаетъ нашъ гнѣвъ. Не уже ли они думаютъ ее получить? Какъ! отдать сію драгую невольницу! Я клянусь самимъ Магомедомъ, что я лучше соглашусь уступить имъ половину моей Императорской діадимы, нежели съ нею разстаться. Гамедъ! я тебѣ скажу, что она со всемъ своимъ государствомъ не въ состояніи у меня ее выкупить; Серафина составляетъ все мое благополучіе, все мое бытіе отъ одной ее зависитъ. Спра-

ведли-

ведливо, что я не могу даже до сихъ поръ склонить ее къ себѣ въ любовь; но какое же буду я вкушать тогда щастіе, когда сдѣлаюсь ея побѣдителемъ!

ПИСЬМО 38.

Отъ Юліи къ Карлосу.

Я, извѣстна будучи, что въ Лембергѣ гораздо легче, удобнѣе и скорѣе можно получать отъ тебя извѣстія, нежели здѣсь, немедленно туда отправилась, и безъ малѣйшаго вреда моему здравію благополучно пріѣхала въ сей городъ. Карлосъ! я на тебя полагаю всю надежду; ты одинъ можешь спасти жизнь твоего друга, а моего брата. Съ самаго его отъѣзда я не имѣю ни на минуту покоя; какъ днемъ, такъ и ночью я нахожусь въ жестокомъ волненіи своихъ мыслей.

Мнѣ

Мнѣ представляется, что уже онъ предался всему бѣшенству и отчаянію. Милосердый Боже! въ какую ввергнется онъ бездну нещастій! Избавится ли нещастная Серафина изъ своей неволи? Сей недосмотрительный и жестокосердый Султанъ склоненъ ли хотя мало къ великодушію и къ жалости? Нѣтъ, все меня устрашаетъ, и никакое воображеніе не можетъ облегчить мои печали.

ПИСЬМО 39.

Отъ Роланда къ Карлосу.

Ты безъ сомнѣнія слышалъ, любезной Карлосъ! о избраніи меня Посланникомъ въ Константинополь. Я со всемъ своимъ жаромъ буду требовать освобожденія Серафины. Увы! весь успѣхъ и мое благополучіе зависѣть будетъ отъ одного

одного меня; естьли я буду столь нещастливъ, что требованія мои презрятся и не исполнятся: то уже я заблаговременно предпріялъ одному мнѣ извѣстное намѣреніе. Какъ сей наглый и безчеловѣчный Государь смѣетъ и отваживается дѣлать своею невольницею мою супругу, единый предметъ всѣхъ моихъ желаній? да сверьхъ же того онъ принуждаетъ ее любить себя. Отъ сего несноснаго воображенія горящая кровь моя волнуется, и сердце трепещетъ! Знай, любезный другъ! что я ничего не страшусь, и отважусь на всѣ опасности. Я положилъ твердое намѣреніе или получить Серафину, или окончить нещастную жизнь свою.

Я уже проѣхалъ Польскія границы, и нахожусь теперь въ Бендерахъ; ты непремѣнно получишь отъ меня извѣстіе, коль скоро я пріѣду въ Константинополь. Будь

увѣренъ, что естьли мое предпріятіе не будетъ имѣть успѣха, то я теперь съ тобою прощаюсь на вѣки.

ПИСЬМО 40.

Отъ Роланда къ Карлосу.

Наконецъ, любезной другъ! представь себѣ, какія суть теперь жестокія мои чувствованія! Уже два дни, какъ я пріѣхалъ въ сей городъ, въ которомъ заключается вся моя жизнь и спокойствіе; и въ сіе время хожу я безпрестанно вкругъ сераля, и не могу себѣ возпрепятствовать, чтобъ не ужасаться, разсматривая сіи укрѣпленія, сіи страшныя стѣны, которыя, кажется, должны вѣчно разлучать меня съ тѣмъ, кого я люблю болѣе всего на свѣтѣ. Боже! сжалься надъ сею невинною красавицею! да не потерпитъ

пить Твой праведный гнѣвъ, чтобъ похитили ее на вѣки отъ любви моей, отъ любви священной, которою мы клялись другъ другу предъ святымъ алтаремъ Твоимъ.

Я посѣтилъ однажды Агмеда Агу янычаръ, которой есть тайный непріятель Султана; такое сходство нашихъ чувствъ принудило меня оказывать всегда ему почтеніе и любовь. Онъ меня принялъ въ свой домъ съ великою учтивостію, да притомъ онъ молодъ, пригожъ, великодушенъ и чувствителенъ. Онъ разсказывалъ мнѣ съ великимъ прискорбіемъ о своей любовницѣ, которую у него Османъ похитилъ; она называется Авророю; и объявилъ мнѣ, что уже и день ихъ брака былъ назначенъ, какъ вдругъ слухъ о красотѣ ея побудилъ Османа ее видѣть. Сей Государь приказалъ ее къ себѣ привесть; но не будучи ни мало плѣ-

неиъ ея красотою, велѣлъ отвести ее ьъ сераль, радуясь, что нашелъ удобной случай отмстить Агмеду за нѣкоторую нанесенную ему обиду. Ахъ! мое нещастіе гораздо несноснѣе его! Кто можетъ лучше меня знать тѣ слѣдствія, которыя произойдутъ отъ великой красоты Серафины? Я много удивлялся, найдя въ Туркѣ столько разума, великодушія и добродѣтели, коликою Агмедъ былъ наполненъ; онъ притомъ довольно просвѣщенъ науками. Я видѣлъ стихи, которые онъ сочинилъ въ честь своей любовницѣ; ихъ по справедливости можно было почесть разумнѣйшими и пріятнѣйшими.

ПИСЬМО 41.

Отъ Роланда къ Карлосу.

Еще не наступило время къ моей аудіенціи. Сія медлительность

ность ввергаетъ меня въ бѣшенство. Сей Государь употребляетъ уже хитрость, и вознамѣрился, не допуская меня къ себѣ, отказать мнѣ въ моихъ справедливыхъ требованіяхъ. Но сколько много онъ обманывается! сія подлая его выдумка не можетъ ни мало воспрепятствовать моему предпріятію. Нѣтъ, ничто меня не устрашитъ; я ворвусь въ сераль, изторгну Серафину изъ величайшихъ нещастій. Что я медлю? Она находится въ крайней опасности; не только что день, но и часъ можетъ сдѣлать ее вѣчно нещастною! Ахъ, Карлосъ, нѣжной и вѣрной другъ! могу ли надѣяться опять тебя увидѣть? восторжествую ли я надъ любовію и честію? Сколь трудно мнѣ сносить жестокость чувствъ моихъ! днемъ хожу я какъ безумный, не зная самъ куда. Сераль по справедливости можно назвать храмомъ

безумія и роскоши; сераль, около коего хожу я безпрестанно, наполняетъ меня бѣшенствомъ и яростію, которую ничто укротить не можетъ; часто въ отчаяніи своемъ я кричу: нещастной Роландъ! ты безъ сомнѣнія погибнешь въ пагубномъ твоемъ предпріятіи; но какая же напротивъ того будетъ твоя радость, когда спасешь ты свою супругу!

ПИСЬМО 42.

Отъ Агмеда Аги янычаръ къ Аморѣ, молодой Гречанкѣ.

Зная ту нѣжную дружбу, которою ты себя питаешь къ любезной Серафинѣ, употребилъ я все свое могущество къ благопоспѣшествованію требованіямъ Христіянскаго Посланника, которой есть ея супругъ. Я принялъ его въ домъ свой

свой со всѣми почестями, которыя онъ заслуживаетъ. Онъ обладаетъ превосходнѣйшими качествами, видъ его весьма пріятенъ, осанка его можетъ почесться самою прекраснѣйшею; но онъ со всѣми дарованіями, коими щедрая природа его наградила, не имѣетъ склонности и свойства быть посредственникомъ. Благородная откровенность, присоединяющаяся къ горячему его сложенію, заставляетъ меня страшиться и опасаться, чтобъ онъ, желая спасти Серафину, не потерялъ самъ себя. При одномъ произношеніи имени сей прекрасной особы я видѣлъ возгарающуюся кровь его, и мысли, приходящія въ безпорядокъ. Повѣришь ли ты тому, дражайшая Аврора! онъ отваживается угрожать смертію самому Султану; предпріятіе его [которое мнѣ кажется глупымъ] еще гораздо далѣе простирается; онъ

мнѣ сказалъ, что вознамѣрился войти въ сераль. Я употреблялъ всѣ свои силы, чтобъ ему обнаружить погубныя слѣдствія, могущія произойти отъ такого поступка, и представлялъ ему всѣ опасности, которымъ онъ себя подвергаетъ; притомъ увѣрялъ его, что свойство Посланника гораздо для него выгоднѣе и полезнѣе; и естьли онъ въ своей горячности сдѣлаетъ малѣйшее преступленіе, то не только что лишится всѣхъ выгодъ и своей супруги, но еще сдѣлается жертвою такого Государя, которой никого еще не прощалъ въ свое царствованіе. Сей молодой безумецъ, не успокоившись ни мало, слушая мои полезныя и справедливыя представленія, казался притти еще въ пущую ярость. Тщетно говорилъ я ему, что серальскіе сады посвящены всегда взорамъ человѣческимъ, что ихъ зеленая мурава безпрестанно

топчется ихъ ногами; также говорилъ ему, что сіи подобныя мѣста раю наполнены множествомъ молодыхъ красавицъ, которыя тамъ цвѣтутъ и возрастаютъ, и что намъ не льзя судить о пріятностяхъ и забавахъ, которыя онѣ тамъ вкушаютъ; равнымъ образомъ и о радости и веселіи, которое тамъ царствуетъ.

И такъ будь увѣрена, прекрасная Аврора! что Агмедъ желаетъ соединиться съ тобою честными и священными узами; онъ надѣется скоро увидѣть безчеловѣчнаго Османа, поверженнаго на землю раздраженными янычарами, и думаетъ, что уже скоро избавится блистательная Порта отъ гнуснаго своего Государя.

ПИСЬМО 43.

Отъ Османа, Попелителя Правоверныхъ, къ Зелиму.

Зелимъ! выпусти Аврору, молодую Гречанку, изъ замка, въ которой мы ее за ея преступленіе сослали, и возврати ее прекрасной Серафинѣ, которая меня объ ней усердно и убѣдительно проситъ. Въ началѣ мы было возпротивились ея желанію. Но сколь трудно преврѣть, и не исполнить прозьбу красавицы, которую обожаешь! небо никогда еще не презирало мольбы добродѣтельнаго Мусульмана. Нѣтъ, я не могу его прогнѣвить, покоряясь во всемъ прекрасному предмету, которой онъ самъ сотворилъ.

ПИСЬМО 44.

Отъ Роланда къ Карлосу.

Теперь я уже перестану колебаться въ моемъ намѣреніи, и не ста-

стану терять время въ тщетныхъ надеждахъ. Султанъ меня обманываетъ; причины, которыя онъ мнѣ предлагаетъ къ отложенію еще на нѣсколько времени аудіенціи, суть весьма маловажны и недостаточны, чтобъ меня обольстить. Я горю нетерпѣніемъ видѣть Серафину, или погибнуть въ моемъ предпріятіи. Участникомъ буду я имѣть въ моихъ тайныхъ намѣреніяхъ одного чернаго евнуха, которой занимаетъ въ сералѣ первое мѣсто, и съ помощію его ничто мнѣ воспрепятствовать не можетъ, и я на все отважусь. Онъ уже отнесъ одно письмо мое къ Серафинѣ, и обѣщалъ отвести меня сію ночь въ ея комнату, не подвергая жизнь мою ни малѣйшей опасности. Сію ночь.... Великій Боже! никогда Персіанинъ, почитатель солнца, не ожидалъ съ такою нетерпѣливостію его восхожденія, съ каковою

я желаю его захожденія. Когда послѣдніе лучи его изчезнутъ съ сеpальскихъ стѣнъ, и когда покроются онѣ мрачностію: тогда пойду я къ мраморному морю, и буду тамъ съ трепетомъ ожидать великодушнаго своего проводника. Ахъ, Карлосъ! чувствуешь ли ты хотя мало смертельныя мои движенія? Увы! смерть меня не устрашаетъ; я увижу еще однажды Серафину, и по крайней мѣрѣ буду тѣмъ доволенъ, что изпущу духъ свой, имѣвъ въ своихъ объятіяхъ предметъ всей моей любви, а уже послѣ сей восхитительной и радостной минуты я умру съ довольнымъ сердцемъ.

ПИСЬМО 45.

Отъ Османа, Попелителя Праопѣрныхъ, къ Ибрагиму.

Тебѣ одному, почтенный Муфти! осмѣливаюсь я открыть мое сердце; я устыдился бы, естьли бы кому другому извѣстно было то великое смятеніе, которое въ немъ царствуетъ. Возможно ли, чтобъ сей гордой и славной Государь могъ чего нибудь устрашиться? отъ единаго моего взора трепещетъ и дрожитъ безчисленное множество народа. Но со всемъ тѣмъ страхъ мой будетъ часъ отъ часу еще болѣе возрастать и умножаться, естьли я не поспѣшу моимъ отъѣздомъ въ Мекку. Я уже чувствую, что гнѣвъ небесный скоро низпадетъ на главу мою. Тысяча нещастій и бѣдствій помрачатъ блескъ славнаго моего царствованія, такъ какъ при наступленіи бури густыя обла-

облака затмѣваютъ солнечное сіяніе. Но не думай Ибрагимъ! чтобъ мой страхъ былъ неоснователенъ и напрасенъ; когда объявлю я тебѣ объ одномъ случившемся со мною произшествіи, то ты и самъ увидишь, что Государь твой долженъ всего страшиться. Вчерась прогуливался я въ моихъ садахъ, и зашелъ нечаянно въ одну уединенную алею, которая способствовала мнѣ предаться волненію моихъ мыслей, какъ вдругъ усмотрѣлъ я въ ней женщину, на травѣ лежащую, и которая держала лютню: я тотчасъ остановился, и слышалъ, что арія, которую она играла, была весьма плачевная; и я бы конечно, продолжалъ ее слушать, естьлибъ не узналъ я въ сей невольницѣ любезную свою Серафину. При видѣ сей божественной красоты сердце мое сильно возколебалось, тысяча мыслей смутили мои чувства и разумъ;

я забылъ клятву, данную мною Магомеду. Сильнѣйшая любовь, которой я еще въ себѣ никогда не чувствовалъ, во мнѣ возгорѣлась; въ восторгѣ своемъ я бросился къ Серафинѣ, я взялъ ее въ свои объятія, прижималъ ее съ восхищеніемъ къ моему пылающему любовію сердцу; но боги! она вдругъ перемѣнилась, поблѣднѣла, задрожала, и казалась умирающею. Я, устрашенъ будучи толь неожидаемымъ случаемъ, старался ей помочь, какъ она, вставши съ отчаяніемъ, мнѣ сказала: жестокой! умертви меня, но не насильствуй. При сихъ короткихъ и величественно произнесенныхъ словахъ я почелъ ее за одного изъ тѣхъ трехъ ангеловъ, которые нѣкогда должны меня посѣтить въ моей гробницѣ; и такъ она отъ меня удалилась, а я остался почти безъ чувствъ; потомъ горькія слезы омочили лице

мое,

мое, сердце мое обѣято было смертельною горестію; и мнѣ казалось, что меня не было нещастнѣе во всей вселенной. Въ отчаяніи своемъ я упадъ на траву, на которой, не взирая на печаль мою, глубокой сонъ овладѣлъ всѣми моими огорченными чувствами; какъ скоро пробудился, то воспоминовеніе о моемъ снѣ, которой я видѣлъ, поразило меня ужасомъ. Ибрагимъ! я тебѣ повелѣваю растолковать мнѣ сей опасной для меня сонъ. Мнѣ представилось, что я сидѣлъ на прекрасномъ и богатоубранномъ верблюдѣ, будучи окруженъ всемъ Императорскимъ блистаніемъ и величествомъ. Я ѣхалъ тихими шагами при видѣ многочисленнаго народа, которой хотѣлъ меня видѣть; но вдругъ верблюдъ мой остановился: я употреблялъ всѣ свои силы, чтобъ принудить его итти далѣе; но всѣ мои старанія

были

были щетины. Я, раздраженъ будучи непослушаніемъ сего звѣря, слѣзъ съ онаго, и сильно ударилъ его мечемъ своимъ; но какое тогда было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что тѣло его пало мертво на землю, а голова осталась висящею на воздухѣ. Ибрагимъ! я признаюсь тебѣ, что сей чрезвычайной сонъ безпрестанно приходитъ мнѣ на умъ, и предвѣщаетъ мнѣ какое нибудь нещастіе. Я желаю, чтобъ ты собралъ всѣхъ ученыхъ людей, находящихся въ моей имперіи, для его толкованія. Исполни немедленно мое повелѣніе; ибо Государь твой находится въ великомъ смятеніи.

ПИСЬМО 46.

Отъ Роланда къ Карлосу.

Предпріятіе мое было безполезно; ибо я не преминулъ притти на назначенное мнѣ мѣсто; но тщет-

но я тамъ дожидался около двухъ часовъ. Черной евнухъ меня обманулъ. Карлосъ! сколь я нещастенъ! все противится и препятствуетъ моему желанію, даже и гнусной невольникъ смѣется и играетъ моею довѣренностію и надеждою. Когда луна взошла на горизонтъ, и начала освѣщать вершины деревъ, находящихся во внутренности сераля: тогда ходилъ я долгое время, устремляя свои взоры на сіи плачевныя мѣста; потомъ непримѣтно пришелъ весьма близко къ морю, коего волны колебаясь, съ жестокостію ударялись о берегъ. Сей печальной шумъ согласовался съ движеніями моего сердца. Я устремилъ опечаленныя свои взоры на сіи шумящія воды, какъ вдругъ представилось мнѣ что-то плывущее, и я разсматривая оное, увидѣлъ, что это было небольшое судно; и когда оно нахо-

ходилось близко отъ берега, то я усмотрѣлъ двухъ человѣкъ, на немъ плывущихъ. Я имъ махалъ своимъ платкомъ, дѣлая знакъ, чтобъ они ко мнѣ подъѣхали; гребцы исполнили мое желаніе, и я имъ обѣщалъ немалое награжденіе, если-ли они привезутъ меня подъ стѣны серальскія; они согласились на мое требованіе. Я надѣялся усмотрѣть тамъ какое нибудь мѣсто, чрезъ которое бы было можно туда войти. Но небо! все то, что представлялось глазамъ моимъ, служило только къ пущему умноженію моего отчаянія; тамъ не было ни одного мѣста, которое могло бы быть для меня выгодно; наконецъ мы стали приближаться къ берегу, и я услышалъ вдругъ звукъ весьма пріятнаго голоса, которой поразилъ мой огорченный слухъ. Онъ, казалось мнѣ, происходитъ съ другой стороны берега. Гребцы ме-

ня увѣдомили, что это были жалобы молодой дѣвицы, называемой Азою, которой любовникъ утонулъ въ семъ мѣстѣ, уже тому нѣсколько мѣсяцовъ, и что она съ самаго того нещастнаго времени приходитъ каждую ночь на сей берегъ приносить свои жалобы. Тогда я просилъ моихъ проводниковъ грести къ тому мѣсту, гдѣ она находилась; и когда мы были не въ дальнемъ разстояніи отъ онаго, то остановились, и слышали слѣдующія слова:

Жалобы Азы.

Коль скоро волны начинаютъ мало помалу подниматься и колебаться,
И когда ихъ журчаніе слышно бываетъ на семъ берегу:
Тогда Аза, печальная Аза приходитъ соединять съ ними плачевныя свои жалобы.

Про-

Прозрачныя воды! сжальтесь надо мною, принесите ко мнѣ нещастнаго Ясмира;

Дайте мнѣ посмотрѣть хотя однажды на то сокровище, которое вы у меня похитили!

Ясмиръ, съ которымъ никто не могъ сравниться

Въ искусствѣ бросать нещастной дротикъ; Ясмиръ, которой былъ всегда богамъ любезенъ.

Онъ умеръ и оставилъ нещастную Азу вѣчно себя оплакивать.

Сіе столь прекрасное тѣло, присоединяющее проворство къ силѣ, лежитъ теперь бездушно;

И сіи глаза, наполненные живѣйшимъ жаромъ навсегда закрылись.

Онъ окончилъ жизнь свою въ сихъ свирѣпыхъ волнахъ.

Судно его, безъ проводника колеблемое вѣтрами, можетъ быть

и теперь плаваетъ надъ его нещастною главою.

Люпыя и неумолимыя воды! нещастная гробница дражайшаго Ясмира! троньтесь моими воплями и стонами, возвратите въ мои объятія драгіе остатки нѣжнаго моего любовника; здѣсь подлѣ сей каменной горы ископаю я своими руками яму, я положу въ нее сіи любезныя для меня кости,

Дабы ни одинъ смертный не топталъ ихъ своими ногами.

О вы, холмы! которыхъ эхо повторяетъ мои вопли и вздохи,

Будьте свидѣтелями жестокой моей печали!

Троньшесь моими жалобами. Аза, продолжая жизнь свою, не престанетъ оплакивать нещастную участь своего любовника.

Здѣсь

Здѣсь нещастная дѣвица, услыша шумъ, происходящій отъ нашихъ веселъ, перестала пѣть, и ушла съ скоростію.

ПИСЬМО 47.

Отъ Роланда къ Карлосу.

Завтра наступитъ тотъ важной часъ, которой долженъ рѣшить мой и Серафининъ жребій; наконецъ Султанъ согласился дать мнѣ аудіенцію, и множество причинъ подаютъ мнѣ надежду получить желанный успѣхъ въ моемъ требованіи.

Карлосъ! по окончаніи толикихъ нещастій и бѣдствій съ какою несказанною и чувствительною радостію увижу я любезную Серафину! Боги! наполните меня мужествомъ, чтобъ снести такое великое благополучіе. Тогда всѣ не-

щастія изтребятся изъ моего сердца; одинъ взоръ сего небеснаго предмета уничтожитъ всѣ претерпѣнныя мною печали.

ПИСЬМО 48.

Отъ Османа Повелителя правоверныхъ, къ Гамеду Верьховному Визирю.

Гамедъ! ты конечно воотрепещешь, коль скоро услышишь о чрезвычайномъ приключеніи, случившемся со мною. Я, которой произошелъ отъ крови великаго нашего Пророка, былъ столь безчестно и дерзостно поверженъ на землю рукою подлаго Христіянина! О мщеніе! о бѣшенство! Гамедъ! бѣги ко мнѣ немедленно. Стыдъ и ярость прерываютъ духъ мой, да погибнетъ сей злодѣй тысячію мучительнѣйшими казнями!

ПИСЬ-

ПИСЬМО 49.

Отъ Роланда къ Карлосу

У меня недостаетъ силъ, любезной Карлосъ! увѣдомить тебя обо всемъ случившемся со мною; все то, что я могу тебѣ сказать въ моемъ смятеніи, есть то, что я уже довольно наказалъ безчеловѣчнаго тиранна, однимъ ударомъ повергъ я его на землю при всѣхъ многочисленныхъ его стражахъ. И такъ знай, что теперь уже моя смерть неизбѣжна; но какъ мнѣ можно было съ нимъ иначе поступить, когда онъ мнѣ сказалъ презрительнымъ голосомъ, коего раздраженный мой слухъ не могъ снести. Роландъ! объяви твоему Государю, что я ни мало не намѣренъ отдать ему Серафину; она принадлежитъ мнѣ какъ по военнымъ, такъ и по гражданскимъ правамъ. Она моя Султанша, и ничто не

можетъ ее изторгнуть изъ рукъ моихъ. Злодѣй! онъ осмѣливается называть ее своею Султаншею? Боги! я ее лишаюсь. Вотъ лютѣйшая и жесточайшая изъ всѣхъ моихъ казней.

ПИСЬМО 50.

Отъ Гамеда, Великаго Визиря, къ Агмеду Агѣ непобѣдимыхъ янычаръ.

Высочайшее повелѣніе нашего Султана состоитъ въ томъ, чтобъ Роландъ былъ посаженъ въ Семибашенной замокъ, которой находится въ твоемъ правительствѣ. Родъ его смерти еще не назначенъ; въ ожиданіи онаго ты долженъ приставить къ нему многочисленную стражу янычаръ; знай, что есть. ли ты мало пощадишь сего дерзновеннаго, то за то долженъ

будешь отвѣчать своею головою. Кто можетъ себѣ представить такое страшное преступленіе? Онъ ударилъ нечестивою своею рукою Августѣйшаго изъ всѣхъ Монарховъ. Правовѣрные конечно всѣ ужаснутся, сколь скоро узнаютъ таковое преступленіе; и не могутъ повѣрить, чтобъ такая дерзкая отважность и злость могла быть въ сердцѣ толь низкой и подлой твари.

ПИСЬМО 51.

Отъ Роланда къ Серафинѣ.

Серафина! познай дрожащую руку твоего супруга, которой собираетъ оставшіяся и изнуренныя свои силы, чтобъ съ тобою проститься. Скоро поносная смерть окончитъ жизнь мою. Я сожалѣю, что небо не совсѣмъ позволило мнѣ совер-

вершить праведное свое мщеніе; извергъ остался живъ, и я лишь только его раздражилъ. Боги! Серафина! не уже ли умру я, не видавъ тебя и не простясь съ тобою? знай, что я ни мало не страшусь ни смерти, ни мукъ и тяжелыхъ оковъ, которыми меня обременили; ни меча, поднятаго надъ моею головою; нѣтъ, ничто меня устрашить не можетъ; но вѣчно съ тобою разлучиться, оставить тебя во власти гнуснаго Государя: сіе то ужасное воображеніе терзаетъ духъ мой, приводитъ меня въ отчаяніе, слабость, малодушіе и робость, горькія слезы омочаютъ лице мое, я въ горести и отчаяніи своемъ кричу: о пріятная и обманчивая надежда! почто я тебѣ повѣрилъ? для чего ты меня увѣрила, что я получу Серафину? Она мнѣ ежечасно представлялась въ нашемъ благополучіи, въ которомъ каж-

каждая минута открывала моему зрѣнію новыя прелести, съ коими соединяющаяся пріятность ея сердца украшала всѣ ея движенія. Щастливой Роландъ! какое сокровище казалось для тебя больше любви нѣжной твоей Серафины? ты отдалъ бы для возвращенія ея всѣ богатства цѣлаго государства. Но теперь какое страшное явленіе представляется глазамъ моимъ? Могу ли я снесши его жестокость? Серафина ослабѣваетъ, и я не въ силахъ ей помочь. Серафина скоро услышитъ о смерти своего супруга.

ПИСЬМО 52.

Отъ Серафины къ Роланду.

Нѣтъ, Роландъ! мы никогда съ тобою не разлучимся; нѣтъ, никакая власть не можетъ разлучить меня

меня съ тобою. Ты говоришь мнѣ о смерти! ахъ! не терзай мое сердце симъ страшнымъ представленіемъ. Бѣдная Серафина! ты лишилась своихъ родственниковъ, друзей и вольности, чему же ты теперь подвержена? Увы! одна только вѣрность, которою я тебѣ клялась предъ алтаремъ, непоколебимо пребываетъ въ моемъ сердцѣ. Во время благополучныхъ и спокойныхъ дней нашихъ я одна составляла все твое щастіе безпрестаннымъ увѣреніемъ о моей вѣрности: пріими нынѣ отъ меня новой и послѣдній опытъ моей къ тебѣ любви, будь увѣренъ, любезной Роландъ! что въ ту лютую и плачевную минуту, въ которую окончится жизнь твоя, и я за тобою непремѣнно послѣдую; не думай, чтобъ я могла безъ тебя перенести жестокую и нещастную жизнь свою, и остаться добычею любви проклятаго тиранна.

ПИСЬМО 53.

Отъ Аврóры прекрасной Гречанки къ Агмеду Агѣ янычаръ.

Нещастная Серафина находится въ несказанномъ отчаяніи; она нѣсколько разъ падала къ ногамъ Султана, прося у него со слезами помилованія и жизни Роланду; но онъ казался совсѣмъ неумолимымъ, хотя и видѣлъ прекраснѣйшее твореніе, поверженное у ногъ своихъ. Увы! не остается ни единой надежды къ спасенію жизни ея супруга. Османъ такою наполненъ былъ яростію и жестокосердіемъ, что, не взирая ни на слезы, ни на прозьбы нещастной Серафины, объявилъ ей еще для большаго усугубленія ея печали, что Роландъ чрезъ два дни непремѣнно долженъ окончить жизнь свою. Ахъ, Агмедъ! естьли бы ты видѣлъ, въ какое состояніе ввергла ее печаль! Она даже и меня

ня убѣгаетъ, и находится всегда въ отдаленнѣйшихъ и уединеннѣйшихъ мѣстахъ; но когда я къ ней прихожу, то вижу ее лежащую на землѣ съ разтрепанными волосами, біющую себя въ грудь, и наполняющую воздухъ своими воплями; таковое зрѣлище, любезной Агмедъ! терзаетъ мое сердце; я тогда бросаюсь въ ея объятія, и совокупляю свои вопли съ ея стономъ. О ты, у котораго я столь часто видала текущія слезы о нещастіи тебѣ подобныхъ! не уже ли допуститъ твое чувствительное сердце погибнуть храброму Роланду. Будь извѣстенъ, что жизнь Серафины зависитъ отъ жизни ея супруга; ну естьли онъ умретъ, тогда я лишусь на вѣки своей нѣжной пріятельницы.

Агмедъ! естьли нещастная участь сихъ двухъ любовниковъ не можетъ возбудить твою чувстви-

тель

тельность, то по крайней мѣрѣ вспомни о горести нещастной Авроры. Сей недостойной Султанъ похитилъ меня изъ твоихъ объятій. Ахъ! естьли ты еще меня любишь, естьли мои нѣжность и прозьбы могутъ тронуть твое пылающее любовію ко мнѣ сердце: то накажи сего жестокаго Государя, истреби всѣ его надежды, и уничтожь всѣ его злобныя и кровожаждущія предпріятія; ты повелитель Семибашеннаго замка, и Роландъ находится подъ твоею стражею. Теперь я не помяну больше тебѣ ни о чемъ, но только скажу, что естьли примешь всѣ нужныя предосторожности, то тогда можешь все сдѣлать. Желанія и прозьбы Авроры не могутъ быть для тебя ни опасны, ни пагубны; сердце ея раздѣлять будетъ твою славу и щастіе, когда ты избавишь нещастнаго молодаго чело-

вѣка отъ поносной смерти, и осушишь слезы нѣжной его супруги.

ПИСЬМО 54.

Отъ Османа, Попелителя правоверныхъ, къ Серафинѣ.

Понеже всѣ наши мысли и намѣренія стремятся къ исполненію повелѣній и желаній твоего сердца: то мы въ знакъ нашей къ тебѣ чрезвычайной любви и почтенія даруемъ жизнь и прощаемъ Роланда Христіянина, но въ награжденіе за то мы ожидаемъ отъ тебя достодолжной благодарности и снисхожденія. Будь извѣстна, что наши Царскія милости должны непремѣнно быть заплачены твоею любовію. Мы не сомнѣваемся, чтобъ ты не повиновалась, и стала противишься сильной нашей страсти, и не почла бы себя щастливѣйшею всѣхъ

всѣхъ женщинъ; ибо ты будешь Царицею и Повелительницею трехъ сотъ прекраснѣйшихъ Султаншъ (*).

Ты теперь видишь, что жизнь Роланда находится въ твоей власти, и зависитъ отъ самой себя. Мы даемъ тебѣ сроку на три дни, чтобъ сдѣлать рѣшительное опредѣленіе на наше требованіе. Естьли ты за благо разсудишь избрать себѣ тотъ щастливый жребій, которой тебѣ пріуготовленъ: то Роландъ освободится немедленно изъ темницы, и въ безопасности будетъ отвезенъ въ Польшу; но естьли же ты презришь наше предложеніе, и не согласишься на оное, то не только что онъ тотчасъ погибнетъ, но еще и такою казнію,

(*) Число женщинъ, живущихъ въ сералѣ зависитъ отъ Султанской власти. Зелимъ имѣлъ у себя около двухъ тысячь наложницъ, а всякой Султанъ можетъ у себя имѣть до шести сотъ.

которая можетъ устрашить всякаго смертнаго, которой дерзнетъ слѣдовать по стопамъ его.

ПИСЬМО 55.

Отъ Серафины къ Роланду.

Наконецъ всѣ мои бѣдствія свершились, нещастное опредѣленіе сказано, завтра Роландъ долженъ окончить жизнь свою! Что ты говоришь, нещастная? развѣ не ты должна объявить ему о сей страшной и плачевной минутѣ? Ахъ, Роландъ! позабудь меня, изкорени и изгони изъ своего сердца то, что для тебя всего драгоцѣннѣе; не воспоминай мнѣ больше ни о чемъ. Я не достойна уже болѣе твоей любви; я была причиною всѣхъ твоихъ нещастій и бѣдствій; я, для которой жизнь твоя тысячу разъ драгоцѣннѣе своей собственной,

ной, довела тебя до смерти; но знай, дражайшій супругъ! что я равнымъ образомъ могу и спасти тебя; будь увѣренъ, что отъ одной меня зависитъ освободить тебя изъ темницы, снять съ тебя оковы, и возвратить тебя нѣжнѣйшимъ друзьямъ твоимъ. Боги! какое предлагаютъ мнѣ мерзское состояніе; я не въ силахъ объ немъ тебя увѣдомить. Прочти здѣсь мною приложенное письмо, изъ содержанія коего ты можешь заключить о моемъ мученіи и печали. Справедливо, что я тебя уже болѣе не увижу; но естьли бы мнѣ возможно было хотя на одну минуту видѣть моего супруга, и просить у него прощенія въ тѣхъ жестокихъ нещастіяхъ, которыя я ему причинила. О бѣдная Серафина! можешь ли ты вспомнить объ нихъ безъ ужаса? можешь ли ты... нѣтъ, сіе воображеніе страшно и несносно.

Да живетъ Роландъ; жизнь сего любезнаго супруга драгоцѣннѣе для меня самой моей чести.

ПИСЬМО 56.

Отъ Роланда къ Серафинѣ.

Послѣднія строки твоего письма пронзили мое сердце смертельною стрѣлою. Ахъ! не почитай меня столь малодушнымъ, чтобъ я могъ спасти жизнь свою отъ смерти за такую гнусную и презрительную цѣну. Не уже ли думаешь ты, что такая подлость царствуетъ въ сердцѣ твоего супруга? Серафина! отчаяніе твое лишаетъ тебя разума. Научись презирать страхъ, и наполнись мужествомъ; не уже ли противное добродѣтели чувствованіе можетъ раждаться въ твоемъ сердцѣ? Ахъ! не думай спасти меня помощію столь безчестныхъ

средствѣ. Смерть не столько для меня страшна, сколько ласки, чинимыя тебѣ симъ нечестивымъ гонителемъ. Проклятое письмо его повергло меня въ безпамятство. Ахъ, нѣжная супруга! прости меня! мнѣ довольно извѣстно добродѣтельное и непорочное твое сердце; оно наполнено ко мнѣ любовію, одинъ щастливой имъ обладаетъ. Соедини же, прекрасная Серафина! твои силы съ силами твоего супруга, раздѣляй съ нимъ свое мужество; потщимся быть примѣромъ постоянства и нѣжности. Я совершенно увѣренъ въ твоей ко мнѣ любви и вѣрности. Я умеръ бы конечно съ спокойнымъ сердцемъ; но вотъ самая люпѣйшая для меня казнь, что я уже вѣчно съ тобою не увижусь, о которой единое воображеніе лишаетъ меня чувствъ.

ПИСЬМО 57.

Отъ Османа, Попелителя правоверныхъ, къ Ибрагиму.

Тщетно употреблялъ я всѣ свои силы для пріобрѣтенія любви Серафининой; но она не только что отвергла мое предложеніе, но еще съ гордостію и презрѣніемъ; но однакожъ ея жестокосердіе и суровость не только что не можетъ погасить тотъ жаръ, которой она произвела въ моемъ сердцѣ, но оной отъ того еще пуще возгараетъся. Ибрагимъ! я ея невольникъ; гордость, блистающая на челѣ ея, и свирѣпство ея взоровъ, гораздо болѣе плѣняетъ и восхищаетъ мое сердце, нежели пріятнѣйшая улыбка прекраснѣйшей дѣвицы въ свѣтѣ.

Естьли бы добродѣтель, любезная дщерь небесъ, благоволила когда нибудь въ видѣ человѣческомъ

скомъ сойти на землю: безъ сомнѣнія она бы приняла на себя образъ Серафининъ, внушающій во всякаго почтеніе и любовь. Никто не усомнится, чтобъ сія прекраеная женщина не рождена была для обладанія какимъ нибудь государствомъ; для чего же инаго небо сотворило сію безподобную красоту, какъ не для украшенія престола какого нибудь Государя, и для облегченія его Императорской діадимы? Увы, почтенный Муфти! осталось мнѣ только единое средство для полученія во власть свою сердца сей божественной женщины.

Тебѣ извѣстно, что у Христіянъ почитается за великое безчестіе и стыдъ оказывать женщинѣ благосклонности своему любовнику, не сочетаясь съ нимъ бракомъ. Сіе суевѣрство столь умножилось, что всѣ люди безпрепятственно повинуются сему закону; и женщи-

ны, которыя нарушаютъ его, почитаются безчестными и презрительными. Я думаю, что сія-то есть единая причина, которая запрещаетъ Серафинѣ любить меня; а ежели она согласится бракосочетаться со мною, то тогда она ни мало уже не возпротивится моей нѣжности и любви.

И такъ, почтенный Муфти! ты долженъ подать мнѣ спасительные свои совѣты, въ которыхъ я имѣю великую нужду. Не думай, чтобъ я совсѣмъ лишился разума, и не внималъ ни чьихъ совѣтовъ, касающихся для удовольствованія сильной моей страсти. Я знаю, что я могъ бы обладать Серафиною, не подвергаяся никакимъ брачнымъ обрядамъ; ибо мнѣ было бы весьма легко ее принудить къ тому силою; но я страшусь гнѣва великаго Магомеда, которой онъ не преминетъ излить на меня

въ

въ вѣчной жизни за нанесенное прискорбіе прекраснѣйшей женщинѣ, которую небо мнѣ даровало для большаго усовершенствованія на землѣ моего благополучія.

ПИСЬМО 58.

Отъ Агмеда Аги янычаръ къ Апрорѣ, молодой Гречанкѣ.

Одинъ молодой человѣкъ, называемой Карлосъ, недавно пріѣхалъ сюда изъ Польши, и онъ есть вѣрной другъ Роланда. Я видѣлъ на лицѣ его великую печаль о нещастіи своего друга. Вотъ, дражайшая Аврора! сіи четыре прекраснѣйшія особы, которыя всегда наслаждались непрерывнымъ щастіемъ, теперь находятся въ несносномъ нещастіи. Я не могъ отказать Роланду видѣть своего друга, и повелъ съ собою сего послѣдняго

няго въ его темницу. Тогда должно было имѣть самое нечувствительное сердце, чтобъ не тронуться и не испустить слезы при ихъ плачевномъ свиданіи. Однакожъ, прекрасная Аврора! я, не смотря на то участіе, которое я принимаю въ нещастіи сего невольника, и на ту нѣжную любовь, которую ты имѣешь къ Серафинѣ, не могу обѣщаться исполнить твою прозьбу и желаніе, и не льстить себя ни единою надеждою. Да сохранитъ небо твою добродѣтель, и да наградитъ тебя тѣмъ щастіемъ и щедротами, которыхъ ты достойна, и заслуживаешь.

ПИСЬМО 59.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Всѣ тѣ пагубныя слѣдствія, которыя я тебѣ предсказалъ о чрез-

вы-

вычайной горячности твоего брата, сбылись и свершились въ самомъ дѣлѣ. Я видѣлъ сего нещастнаго въ плачевнѣйшемъ состояніи; ибо какъ скоро я пріѣхалъ въ Конешантинополь, то тотчасъ и узналъ, что Роландъ находится въ Семибашенномъ замкѣ. Я пошелъ немедленно къ Агмеду, и просилъ его со слезами позволить поговорить мнѣ съ Роландомъ, въ чемъ онъ и не отказалъ; и такимъ образомъ пошелъ я съ нимъ на весьма высокую башню, въ которой я увидѣлъ бѣднаго моего друга, лежащаго на землѣ, покрытаго смертною блѣдностію; глаза его хотя были и закрыты, однакожъ изъявляли великое безпокойство и печаль, и также видно было по перемѣнѣ всѣхъ чертъ лица его, что онъ ничего не вкушалъ. Я не знаю, что-то я ему вошедши сказалъ въ своемъ смятеніи, но звукъ мо-

моего голоса вывелъ его изъ плачевныхъ своихъ размышленій. Онъ увидѣвъ меня, началъ вставать съ превеликою трудностію. Тогда шумъ и гремѣніе цѣпей его, которыхъ я еще не примѣтилъ, наполнили меня чрезвычайнымъ ужасомъ. Подойди сюда, Карлосъ! сказалъ мнѣ нещастной Роландъ, ты видишь, что я обремененъ оковами, которыя препятствуютъ мнѣ къ тебѣ приближиться. Увы! продолжалъ онъ, ты только для того сюда пріѣхалъ, чтобъ видѣть плачевную смерть мою; но по крайней мѣрѣ, любезной другъ! ты будешь свидѣтелемъ моего мужества. Повѣрь, что должно наполниться сверьхъестественною твердостію; я не говорю для претерпѣнія смерти, но для разлученія на вѣки съ Серафиною, съ сею чувствительною и великодушною красавицею. Ты не знаешь, что она готова была для меня

ня сдѣлать, будучи въ неволѣ, и не могши никакъ умилостивить жестокаго тирана, она хотѣла для спасенія моей жизни жертвовать ему своею честію. Ахъ Карлосъ! я не столько подлъ, чтобъ избавиться отъ смерти столь гнуснымъ и безчестнымъ средствомъ. Какъ я долженъ принесть на жертву единственный предметъ любви моей недостойному Турку? Нѣтъ! пускай она лучше останется его невольницею, но невинною, и сердце ея всегда наполнено будетъ воображеніемъ о своемъ нещастномъ супругѣ. Но сколь сіе плачевное воображеніе будетъ для нее несносно! сильная ея ко мнѣ любовь довольно извѣстна; она не можетъ продолжать безъ меня жизнь свою. Проговоря сіи слова, онъ остановился, и возвелъ свои кровавые и наполненные слезами глаза къ небу. Я тогда старался всячески его утѣшать

шать, и увѣрялъ его, что можетъ быть Провидѣніе спасетъ жизнь его. Не представляй мнѣ, любезной другъ! никакой тщетной надежды, сказалъ онъ, я совсѣмъ уже отдался на произволъ своей судьбы; не уже ли думаешь ты, что сердце безчеловѣчнаго тиранна легко можно умилостивить? Еще одна печаль терзаетъ мое сердце, я столь безразсудно прогнѣвалъ сестру мою, которая употребляла всѣ свои силы къ моему спасенію. Она знала жестокость и горячность моего характера, и сердце ея предвѣщало ей, что Роландъ скоро низвергнется въ бездну нещастій. Карлосъ! объяви Юліи, чтобъ она простила мою горячность, и скажи ей, что я въ оной стократно раскаяваюсь, что я всегда буду ея братъ, любезной и нѣжной братъ, которой не престанетъ ее любить даже до послѣдняго издыханія. По томъ снявши

съ

съ своей шеи портретъ Серафининъ, отдай ей, сказалъ онъ мнѣ, сіе сокровище, котораго обладаніе облегчало нѣсколько мою отчаянность въ нещастіи.

Здѣсь наша рѣчь была прервана; я страшусь и опасаюсь сказать тебѣ, какимъ страшнымъ произшествіемъ.

ПИСЬМО 60.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Когда получишь ты сіе письмо, тогда нещастной Роландъ вручитъ свою душу всевышнему Творцу ея. Великій Боже! укрѣпи мое сердце въ сей страшный часъ; стражи мнѣ объявили, что уже все къ казни было пріуготовлено, и что чрезъ нѣсколько минутъ поведутъ туда нещастнаго моего друга. Несносная горесть терзаетъ мое сердце.

Вдругъ увидѣлъ я вошедшаго яны-чара, которой началъ, не говоря ни слова, снимать съ него цѣпи; онъ взиралъ на такое пріуготовленіе съ спокойнымъ духомъ, превышающимъ человѣчество; что же касается до меня, то я отворотился на другую сторону, не могши смотрѣть на сіе страшное эрѣлище. О чувствительная Юлія! знаешь ли ты мое состояніе? Оно есть самое лютѣйшее и жесточайшее. Ахъ! человѣческое сердце никогда подвержено не было столь жестокой печали, никогда не чувствовало оно столь ужасной тоски. Юлія! ты скоро лишишься своего любезнаго брата.

ПИСЬМО 61.

Отъ Авроры, молодой Гречанки, къ Серафинѣ.

Мнѣ не льзя было съ тобою теперь видѣться, потому что Султанши принудили меня силою пить въ

въ Гарамѣ кофе. Я отдала нашей вѣрной невольницѣ сіе письмо, чтобъ тебѣ его вручить. Увы! Султанъ пошелъ объявить смерть Роланду. Онъ говорилъ съ яростію, что уже и такъ много отсрочено было праведное его наказаніе; но теперь уже мечь поднятъ надъ главою Роланда, и что уже пора свершиться его мщенію надъ тѣмъ, которой одинъ препятствуетъ всему его щастію. О Великій Боже! Серафина нещастная! чему ты теперь подвержена? Я не въ силахъ тебя утѣшить въ сей чрезвычайной горести.

ПИСЬМО 62.

Отъ Серафины ко Аморѣ, молодой Гречанкѣ.

Увы! о чемъ ты мнѣ говоришь? Какъ! Роланда? моего супруга поведутъ на смерть? Божеское ми-

лосердіе! не оставь меня, подкрѣпи мое мужество въ сію плачевную минуту; покажи, и подай мнѣ средство ко спасенію супруга, котораго я обожаю.

ПИСЬМО 63.

Отъ Ибрагима къ Осману, Попелителю прапопѣрныхъ.

Страшной Монархъ! я по повелѣнію твоему посылаю къ тебѣ тѣ полезные совѣты, которые ты отъ меня требовалъ; но должность моя состоитъ въ томъ, чтобъ исправлять и наставлять на истинный путь стопы правовѣрныхъ, также и провождать ихъ въ безопасности, сохраняя отъ всѣхъ несчастій и искушеній, находящихся на пути, по которому они непремѣнно должны итти; избавлять ихъ отъ тигра безчестія, отъ змѣи не-

невѣрности; наконецъ приводитъ ихъ безъ всякой опасности на тотъ мостъ, которой приводитъ ко вратамъ блаженной жизни. Тебѣ извѣстно, Самодержавный Государь! что онъ столько узокъ, сколько острiе самой тонкой бритвы. И такъ мнѣ позволяется тебѣ сказать, что естьли ты отвергнешь и не станешь слѣдовать моимъ совѣтамъ: то ты никогда не перейдешь чрезъ сей опасной мостъ, ноги твои оскользнутся, и ты ниспровергнешься въ ту страшную бездну, изъ которой никто уже возвратиться не можетъ.

Великодушный Султанъ! ты допустилъ себя сдѣлаться невольникомъ женщины; но повѣрь, что сiя добродѣтельная женщина ни мало не участвуетъ въ твоихъ преступленiяхъ. Страшись, Государь! ты уже и такъ дерзнулъ топтать своими ногами законы великаго

Пророка. Для чего ты былъ столь слабъ, что учинилъ Магомеду клятву, совсѣмъ противную твоимъ желаніямъ и чувствамъ? Будь увѣренъ, что она точно теперь записана на небесахъ; и когда наступитъ тотъ день, въ которой дѣла каждаго Мусульмана будутъ вѣситься на большихъ вѣсахъ: тогда представятъ предъ тебя твой обѣтъ бѣлые Ангелы, которой они записади въ своихъ книгахъ, и ты принужденъ будешь громко читать предъ всѣми твое осужденіе. Сколь безразсудно ты вознамѣрился бракосочетаться! Я не могу отъ тебя, Государь! утаить, что я просмотрѣлъ и прочелъ всю книгу тысячи опредѣленій, и нашелъ въ ней, что ты никогда наслаждаться не будешь прелестьми сей женщины, которую ты обожаешь, ни на землѣ, ни въ вѣчной жизни.

Авгу-

Августѣйшій Султанъ! я чувствую, что нѣкое предвѣщаніе говоритъ моему сердцу, что естьли ты не обратишься на истинный путь спасенія, и не исправишь своихъ пороковъ: то славный престолъ твоихъ предковъ скоро возколеблется.

ПИСЬМО 64.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Ничто не можетъ изобразить тебѣ ни моихъ восторговъ, ни моихъ радостей. Роландъ... Ахъ, Юлія! твой братъ остался живъ; онъ нѣкою невидимою силою изторгнутъ былъ изъ рукъ алчной смерти въ самую ту минуту, которая должна была прекратить дни его. Когда повели храбраго Роланда на мѣсто казни, я тогда за нимъ слѣдовалъ съ наполненными слезъ гла-

ями, и пришедши на публичную площадь, возвели его на эшафотъ, и онъ уже со всѣми простился, и обнялъ всѣхъ тѣхъ, кои его окружали: какъ вдругъ Серальской невольникъ, покрытый весь пылью и потомъ, пробивался чрезъ многочисленную толпу зрителей, и кричалъ во весь голосъ: прощеніе! прощеніе и жизнь Роланду Христіянину! Въ то время всѣ зрители испустили радостные крики, и прославляли Султанское милосердіе. Роландъ, коего всѣ мысли и сердце обращены были къ небу, не могъ снести такой щастливой перемѣны своего жребія, и упалъ безъ чувства въ мои объятія. Слезы омочали лице его, и онъ, приподнявши съ трудомъ свою голову, сказалъ мнѣ: любезной другъ! какая таинственная сила спасла меня отъ смерти! Но слабость не позволила ему болѣе говорить.

Сул-

Султанское повелѣніе состояло въ томъ, чтобъ Роландъ былъ опять посаженъ въ темницу; но мы надѣемся, что онъ скоро освободится. О Юлія! познай, сколь небо милосердо; я чувствую, что оно скоро наградитъ насъ благополучною жизнію.

ПИСЬМО 65.

Отъ Серафины къ Роланду.

О ты, коего я не смѣю назвать своимъ супругомъ! можешь ли ты постигнуть мой стыдъ и мои нещастія? Серафина, которой все благополучіе отъ тебя зависитъ, сдѣлалась женою Османа; съ симъ-то злодѣемъ она должна соединиться. Ахъ! чувства оставили мое сердце, одно только отчаяніе и ужасъ въ ономъ царствуетъ. Роландъ! для чего я тебя столь много любила?

Для чего я сохранила жизнь твою, которой дни обременены великою печалію? Нещастная! какой жестокой ударъ нанесла я тебѣ! лучше я бы видѣла тебя во гробѣ. Непростительная слабость! Роландъ! нещастной супругъ! удались на вѣки отъ Серафины. Ахъ! я не могу уже болѣе твою почесться, которую ты любызалъ въ своихъ объятіяхъ, и которой прелестная улыбка изъявляла невинность и любовь; но я теперь страшусь сама себя. Какъ! не уже ли должна я отдать свое сердце другому? Но кому же? Жестокому и проклятому чудовищу. Роландъ! презирай меня, укоряй, называй меня ежечасно неблагодарною; я снесу терпѣливо всѣ твои укоризны. Однакожъ, что я сдѣлала? Я сохранила совершеннѣйшее и прекраснѣйшее въ свѣтѣ твореніе, я избавила силу, красоту, храбрость и добродѣтель отъ руки гнуснаго палача.

Сера-

Серафина! сильнѣйшая любовь довела тебя до сего преступленія. Роландъ! прости великодушно нещастную твою супругу, позволь еще однажды ввергнуться ей въ твои объятія. Увы! тщетно я говорю! тщетно я стеню! вѣчная преграда меня съ тобою разлучаетъ! клятвы мои похищены. Нѣтъ, Роландъ! бѣги отъ меня на вѣки, страшись напоминать имя нещастной Серафины; однакожъ не думай, чтобъ проклятой сей союзъ, соединяющій меня съ Султаномъ, принудилъ меня когда либо уступить ему тѣ права, которыхъ одинъ только Роландъ заслуживаетъ, и что никто послѣ его ими не будетъ наслаждаться. Бракъ, на которой я согласилась уже, и такъ великая для него жертва; но я спасла отъ смерти своего супруга: почто же я раскаяваюсь, и себя укоряю? Вѣдай Роландъ, что я въ нещастной своей жизни взираю

съ

съ великою радостію на изчезающія мои прелести, которыя уже скоро лишатся силы и дѣйствія вселять въ сердца любовь. Но естьли любовь въ жестокомъ Османѣ отъ того не погаснетъ, то я уже на все отважусь; и естьли отчаяніе не помрачитъ послѣдніе знаки красоты моей: то тогда я сама своими руками истреблю остатки сихъ бѣдственныхъ и пагубныхъ прелестей. Наконецъ не возпрепятствуетъ мнѣ ничто, чтобъ удалить отъ себя сей ненавистной для меня предметъ. Что же касается до тебя, Роландѣ! то возвратись въ свое отечество, и старайся позабыть Серафину. Но что я дѣлаю, нещастная! я привожу въ пущее отчаяніе своего супруга, подавая ему утѣшительные совѣты. Ахъ, любезной другъ! я прошу тебя со слезами, пекись о своей жизни; знай, что она весьма полезна твоему отечеству,

ству, оказывай любовь твою къ Юліи, почитай ее вмѣсто Серафины. Прощай, Роландъ! прощай на вѣки! ты скоро услышишь о моей смерти, которая одна только можетъ погасить къ тебѣ мою любовь.

ПИСЬМО 66.

Отъ Османа, Попелителя прапопѣрныхъ, къ Гамеду Великому Визирю.

Гамедъ! раздѣляй взаимно со мною мое благополучіе; я помощію твоихъ совѣтовъ достигъ наконецъ до обладанія прекрасной Серафины; она въ Святософійской мечети дала мнѣ свою руку, и вся брачная церемонія была соблюдена; и такъ любовь моя скоро удовольствуется, а послѣ сего мщеніе мое должно возпослѣдовать. Ты знаешь, что гнѣвъ и ярость моя чрезвычайна, еще и теперь видна на челѣ мо-

моемъ та рана, которую я получилъ отъ удара дерзскаго Христіянина; и такъ теперь ничто не можетъ спасти Роланда; онъ долженъ умереть, чтобъ загладить стыдъ сильнаго Государя.

Мы скоро пришлемъ къ тебѣ нашъ Императорской фирманъ (*), которой ты долженъ отдать Агмеду, повелителю Семибашеннаго замка, и чтобъ повелѣніе наше непремѣнно исполнено было прежде возхожденія солнца. Я не сомнѣваюсь, чтобъ такой приказъ не удивилъ Агмеда; ибо онъ совсѣмъ противенъ обѣщанію, данному мною прекрасной Серафинѣ; но ты самъ знаешь, могу ли я имѣть соперника въ любви моей, которой одинъ причиною всего моего нещастія.

ПИСЬ-

(*) Фирманъ есть повелѣніе, подписанное самимъ Султаномъ, тайно кого нибудь задушить.

ПИСЬМО 67.

Отъ Ахмеда Аги янычаръ къ Аврорѣ, молодой Гречанкѣ.

Прекрасная Аврора! изгони, и изтреби изъ своего сердца воображеніе о твоихъ нещастіяхъ; знай, что уже наступило то щастливое время, въ которое должны прерваться всѣ твои бѣдствія; принятыя мною намѣренія скоро увѣнчаются славнѣйшимъ успѣхомъ; ничто уже не можетъ возпрепятствовать изтребленію и смерти Османа, мечь правосудія виситъ надъ его главою, и онъ скоро низверженъ будетъ съ своего престола.

ПИСЬМО 68.

Отъ Гимеда, Великаго Визиря, къ Осману, Попелителю правоверныхъ.

Могущій Султанъ! нижайшій и вѣрнѣйшій рабъ изъ безчисленнаго множества твоихъ подданныхъ приближается къ тебѣ съ трепетомъ; онъ дерзаетъ объявить тебѣ, что страшная буря готова свирѣпасть на правовѣрную нашу имперію. Великій Государь! гордые и неустрашимые янычары идутъ къ сему славному городу вооружены всѣми смертоносными оружіями. Блистательная Порта (*) твоего раба была разорена, опустошена и сожжена, бунтовщики идутъ уже къ сералю, и въ ярости своей угрожаютъ опровергнуть Императорской твой престолъ. Ахъ, могущій Государь! въ

(*) Домъ Оттоманскихъ вельможъ называется Портою.

въ такомъ опасномъ и пагубномъ случаѣ не отвергни полезныхъ совѣтовъ твоего раба; ты одинъ только можешь уничтожить и укротить бѣшенство твоихъ враговъ. Осталось тебѣ единое средство, которое состоитъ въ томъ, чтобъ ты оставилъ немедленно сераль, и скрылся въ Азію, гдѣ бы имѣлъ свое пребываніе даже до тѣхъ поръ, пока утишится сей мятежъ. Будь извѣстенъ, Государь! что Агмедъ предводительствуетъ твоими непріятелями; онъ подъ видомъ ложнаго неправосудія и безчеловѣчія, которымъ ты будто бы отягощалъ и угнѣталъ своихъ подданныхъ, распространяетъ всюду ужасъ и кровопролитіе. Сильной Османъ! знай, что благоденствіе и благополучіе безчисленнаго народа зависитъ отъ твоей безопасности. Не теряй ни минуты; ты можешь тайнымъ образомъ уѣхать изъ твоихъ са-

довъ на нарочно уже пріуготовленномъ для тебя суднѣ, и скоро достигнутъ до береговъ Азіи (*), куда твой вѣрный рабъ не умедлитъ за тобою послѣдовать.

ПИСЬМО 69.

Отъ Османа, Повелителя правовѣрныхъ, къ Гамеду, Великому Визирю.

Гамедъ! я не страшусь ни мало того, о чемъ ты меня увѣдомляешь, и заставляешь опасаться; будь увѣренъ, что наглые Янычары не осмѣляться тронуть своего Монарха; однакожъ я рѣшился послѣдовать твоимъ совѣтамъ, но не прежде, когда удовольствую я страсть свою. Сія надмѣнная красавица не удостоила еще меня и своею улыбкою; и я нынѣшній день

(*) Серальскіе сады отдаляются отъ Азіи небольшимъ каналомъ.

день одной ей посвящаю, коего всѣ минуты должны быть препровождаемы въ любовныхъ дѣйствіяхъ; а завтра сердце мое воспламенится мщеніемъ. Прежде захожденія солнца достигнемъ мы до береговъ Азіи. Войска наши, тамъ находящіяся, довольны будутъ для истребленія и укрощенія нашихъ враговъ. Не уже ли думаешь ты, что я долженъ немедленно бѣжать изъ моей столицы, какъ трусъ и преступникъ? Нѣтъ! я желаю, чтобъ многочисленная свита моя блистала Императорскимъ великолѣпіемъ, и чтобъ прекрасная Серафина за мною слѣдовала, единое ея присутствіе можетъ заставить меня сносить съ терпѣливостію всѣ мои печали.

Но, Гамедъ! не страшись ничего; и знай, естьли судьба опредѣлила твоему Государю претерпѣть какое нибудь нещастіе: то ты увидишь его изходящаго изъ она-

го со славою и торжествомъ; ибо щитъ Императорскій будетъ охранять отъ всѣхъ злоключеній и опасностей.

ПИСЬМО 70.

Отъ Апроры, молодой Гречанки, къ Серафинѣ.

Нещастная и нѣжная пріятельница! Роландъ лишился жизни; вѣдай, что Султанъ столь безстыдно нарушилъ свое обѣщаніе. Серафина! теперь на землѣ не осталось уже болѣе тебѣ ни надежды, ни утѣшенія; ты будешь всегда терзаться и мучиться, взирая на сего страшнаго чудовища, которое принудило тебя съ собою бракосочетаться. Роландъ! участь твоя не столь нещастна; ты достигъ до мѣста спокойствія и тишины, въ которомъ добродѣтельные и велико-

ликодушные награждаются, и забываютъ всѣ свои нещастія.

ПИСЬМО 71.

Отъ Серафины къ Аврорѣ, молодой Гречанкѣ.

Сосудъ мученія и нещастій для одной меня наполненъ. Нѣтъ, я не страшусь ни мало недостойнаго Османа. Смерть уже является на челѣ моемъ; я чувствую, что часъ отъ часу болѣе ослабѣваю. . . . и небо, на которое я возлагаю всю свою надежду, скоро позволитъ мнѣ сойти во гробъ. Не сожалѣй обо мнѣ, Аврора! я вознамѣрилась или побѣдить своего врага, или умереть невинною.

ПИСЬМО 72.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Скоро твой нѣжной любовникъ съ тобою соединится; но увы! ты увидишь его предъ собою погруженнаго въ великую печаль. Я еще и теперь ужасаюсь, и не могу безъ трепета помыслить о нещастной участи твоего брата; естьли бы мнѣ позволено было его видѣть при послѣднемъ его издыханіи; тогда бы я ему могъ подать нѣкоторые утѣшительные совѣты, но онъ окончалъ жизнь свою никому неизвѣстнымъ родомъ смерти. Я не въ состояніи перенести сіе воображеніе. Увы! всѣ его горести и бѣдствія не столь были велики, сколько нещастной Серафины; ибо она будетъ чувствовать ихъ тяжесть до послѣдняго издыханія; сердце ея сдѣлается навеегда добычею жестокой печали, которая бу-

будетъ терзать ее во объятіяхъ безчеловѣчнаго убійцы.

ПИСЬМО 73.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Прекрасная Юлія! да возсіяетъ лучь надежды въ твоемъ сердцѣ! Янычары обступили уже сераль, и вознамѣрились искать въ ономъ Султана, которой для ихъ укрощенія и для спасенія своей жизни не извѣстно куда убѣжалъ, и предалъ Великаго Визиря ихъ ярости и гнѣву. Агмедъ объявилъ имъ, что предпріятіе его было освободить молодую Гречанку, которая несправедливо въ сералѣ содержалась, и которая была его супруга. Тебѣ извѣстно, что сія молодая Гречанка чрезмѣрно любима, обожаема и почитаема Агмедомъ: то я не сомнѣваюсь, чтобъ она не стала

просить его объ освобожденіи Серафины, своей любезной пріятельницы. Теперь городъ находится въ великомъ возмущеніи и безпорядкѣ.

Продолженіе.

Янычары все побѣдили и истребили, и ничто имъ не могло возпротивиться и удержать ихъ ярость. Они силою вошли въ сераль, и опустошая его, они нашли нечаянно Османа въ садахъ въ отдаленнѣйшемъ мѣстѣ; и будучи наполнены къ нему злобою, которую вперилъ въ нихъ Агмедъ, посадили его въ Семибашенной замокъ, и онъ теперь находится въ самой той темницѣ, въ которой былъ мой нещастной другъ. Народъ требовалъ себѣ другаго Императора, и наконецъ принялъ сторону Агмеда, и возвелъ на тронъ Мустафу, дядю Османа.

Я,

Я, разсуждая о той нѣжной дружбѣ, которую Агмедъ оказывалъ Роланду, не сомнѣваюсь, чтобъ онъ не освободилъ нещастную Серафину. Я пойду къ сему великодушному Турку, и употреблю всѣ свои силы, чтобъ тронуть жалостное его сердце; ибо теперь настала та минута, въ которую онъ можетъ безпрепятственно возвратить ей свободу; а естьли же онъ не согласится исполнить мою прозьбу, то она вѣчно погибнетъ.

Продолженіе.

Всѣ мои силы и старанія были напрасны; ибо мнѣ никакъ не возможно было продраться чрезъ безчисленное множество Янычаръ, которыми Агмедъ предводительствуетъ; и такъ тотъ часъ, которой долженъ былъ свершить все наше благополучіе, прошелъ безъ всякаго успѣха.

Продолженіе.

Наконецъ милосердое небо доставило мнѣ случай говорить съ Агмедомъ; сей Мусульманъ заключаетъ въ себѣ благородное и великодушное сердце. Ахъ, Юлія! надѣйся. Насъ ожидаетъ великое благополучіе.

ПИСЬМО 74.

Отъ Карлоса къ Юліи.

О неограниченное щастіе! Серафина освобождена. Юлія! ты скоро увидишь сію нѣжную и вѣрную пріятельницу. Она теперь находится въ домѣ Агмеда и съ прекрасною Авророю. Какъ скоро услышалъ я о семъ радостномъ извѣстіи, то ни мало не медля, побѣжалъ съ радостію, чтобъ обнять колѣни сей нещастной красавицы. Какого чувствительнаго и пріятнаго зрѣлища былъ

я

я свидѣтелемъ. Я вошелъ въ ту комнашу, въ которой находилась Серафина, такъ что никто меня не примѣтилъ. Я долго разсматривалъ сію женщину, и тронулся ея печалію и красотою. Сіе радостное приключеніе почти изтощило всѣ ея силы. Она сидѣла на софѣ; одна молодая особа, въ которой я узналъ Аврору, держала ее въ своихъ объятіяхъ; Агмедъ, ея избавитель, стоялъ предъ нею, онъ слушалъ съ пріятнымъ удовольствіемъ выраженія чувствительнаго и благодарнаго сердца; глаза его омочены были радостными слезами, которыя только одно великодушное и добродѣтельное сердце пролить можетъ. Юлія! я никогда еще подверженъ не былъ такому живѣйшему движенію, каковое я ощущалъ въ себѣ въ ту минуту. Какъ скоро Серафина меня увидѣла, то и узнала; она встала съ со-

софы, а я подошелъ къ ней; слабость ея была столь велика, что я нашелъ себя принужденнымъ ее нѣсколько поддерживать. Ахъ, государь мой! сказала она мнѣ, вы есть тотъ вѣрный любезнаго Роланда... По произношеніи сихъ словъ она лишилась оставшихся своихъ силъ, и упала въ обморокъ. Едва пришла она опять въ чувство, то и начала мнѣ дѣлать тысячу вопросовъ о нещастномъ моемъ другѣ; я удовольствовалъ оные столь ясно, сколько мнѣ возможно было, и старался всячески уменьшить печаль ея, которая была чрезвычайна; послѣ того она, помолчавъ нѣсколько времени, сказала наконецъ: небо позволяетъ мнѣ возвратиться опять въ свое отечество; но увы! благополучіе и радость, которую я тамъ вкушала, навсегда оттуда изчезла, и я, живучи тамъ, полагать буду все

свое

свое утѣшеніе въ слезахъ и вздохахъ. Нѣтъ, Юлія! сколь много ты мнѣ ни выхваляла красоту Серафины, но она гораздо больше превосходитъ твое описаніе ; во всю мою жизнь не видывалъ я еще никогда столь трогательнаго и прекраснаго лица, столь благородной осанки, которой всѣ движенія наполнены пріятностію и разумомъ ; смотря на нее, не возможно, чтобъ не почувствовать къ ней почтенія. Мнѣ кажется, что ея печали и нещастія еще гораздо болѣе украсили черты лица ея; по справедливости можно назвать ее дщерію удивленія (сіе имя присвоили Египтяне радугѣ). Не удивительно, что Османъ толикою наполненъ былъ къ ней любовію, и хотѣлъ всемъ жертвовать сей божественной женщинѣ. Я почитаю за превеликое чудо, что она могла съ толикою твердостію и мужествомъ противиться сильной любви его. Юлія!

Юлія! твоя прекрасная сестра удостоила меня быть своимъ проводникомъ и охранителемъ во время нашего пути. Завтра мы можетъ быть отправимся въ Лембергъ; дай Боже, чтобъ твои нѣжные и дружескіе совѣты могли оживотворить и ободрить ея изсохшее отъ нещастія сердце!

ПИСЬМО 75.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Отъѣздъ нашъ отложенъ еще на нѣсколько времени. Молодая Гречанка неотступно проситъ Серафину остаться, и быть свидѣтельницею ея брака. Великая печаль сестры твоей, также и поврежденное ея здравіе не позволили бы ей быть при сей радостной церемоніи; однакожъ она не могла никакъ возпротивиться, и презрѣть прозьбы

бы Авроры и Агмеда, великодушныхъ своихъ избавителей. Въ то время пріятная улыбка появилась на прекрасномъ лицѣ ея. Будь увѣрена, дражайшая пріятельница! сказала она ей, я конечно останусь здѣсь для большаго утвержденія твоего щастія, и день вашего благополучія безъ сомнѣнія будетъ только одинъ въ моей жизни, которой можетъ облегчить нѣсколько мои печали.

Продолженіе.

Жестокой Османъ окончалъ поносною смертію жизнь свою, онъ задушенъ былъ въ своей темницѣ однимъ невольникомъ. Я изъ любопытства его ходилъ смотрѣть, когда тащили его по улицамъ; онъ былъ собою весьма пригожій человѣкъ, и имѣлъ отъ роду двадцать пять лѣтъ. Народъ, пораженный удивленіемъ и ужасомъ, чинилъ надъ тѣ-

тѣломъ сего нещастнаго тысячу ругательствъ и насмѣшекъ.

ПИСЬМО 76.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Какая чрезвычайная радость! какое неожидаемое щастіе, о Юлія! Какую мы благодарность должны воздавать небу за его неизреченное милосердіе? Знай, что Роландъ, дражайшій Роландъ живъ; онъ вторично избѣжалъ, и спасся отъ мщенія мучителя. Агмедъ намъ его возвращаетъ; сему великодушному и добродѣтельному Турку обязаны мы совершеннымъ своимъ благополучіемъ. Юлія! сколь для меня пріятно объявлять тебѣ о семъ радостномъ приключеніи! ты сама можешь посудить, какая была тогда моя радость, когда увидѣлъ я дражайшаго своего друга, коего смерть

смерть я столь много оплакивалъ! Ахъ, Серафина, прелестной предметъ! ты по претерпѣніи толикаго множества нещастій какимъ пріятнымъ наслаждаться будешь благополучіемъ! И такъ, любезная Юлія! я почитаю за нужное разсказать тебѣ подробно о семъ радостномъ произшествіи, и я постараюсь, сколь возможно, соблюсти порядокъ.

Вчерашняго числа поутру былъ торжествованъ бракъ Авроры со всею блистательностію и восточнымъ великолѣпіемъ. Обряды сего брака мы оставимъ, а станемъ говорить о Серафинѣ. Она, равно какъ и я, тутъ присутствовала, и была свидѣтельницею всѣхъ веселостей и забавъ, которыя происходили на семъ торжествѣ.

Молодая Аврора дала свою руку Агмеду, и по принятіи другъ отъ

друга взаимныхъ клятвъ, они бракосочетались при всѣхъ зрителяхъ. Послѣ сего повели новую супругу въ особливую комнату; великое множество женщинъ за нею слѣдовало, и онѣ бросали ей подъ ноги разные благоуханные цвѣты; и когда онѣ всѣ собрались въ ту комнату, то Агмедъ имѣлъ право туда войти и снять покрывало съ прекрасной своей супруги. По томъ вся компанія послѣдовала въ садъ, и пришедши въ Шіокъ, сѣла за весьма прекрасной и великолѣпной обѣдъ, послѣ коего начали танцовать и прыгать при звукѣ огромной и пріятной музыки. Всего удивительнѣе было то, что противъ обыкновенія и употребленія женщины были безъ покрывалъ; а послѣ я уже узналъ, что это было сдѣлано въ честь Серафинѣ. Я признаюсь тебѣ, что еще я никогда не видывалъ

столь-

столько прекрасныхъ лицъ, но лице Серафины всѣхъ ихъ превосходило въ великой красотѣ своей.

Чѣмъ больше день прибавлялся, тѣмъ болѣе веселіе умножалось; что же касается до Серафины, то на лицѣ ея была видна великая задумчивость и блѣдность, и она не внимала, и не примѣчала всего того, что происходило вокругъ ея; ибо она была погружена въ чрезвычайную печаль. Я примѣтилъ, что Агмедъ прилагалъ къ ней нѣжнѣйшія стараніи, и употреблялъ всѣ свои силы, чтобъ ее развеселить; да притомъ онъ ежечасно дѣлалъ неизвѣстные знаки любезной своей Аврорѣ, которые подали мнѣ причину думать, что онъ пріуготовлялъ что нибудь важное для истребленія и разогнанія задумчивости опечаленной нашей красавицы. Въ самомъ дѣлѣ Агмедъ вышелъ

изъ залы, и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился въ оную въ весьма чудномъ одѣяніи. На головѣ у него былъ вѣнецъ, сплѣтенный изъ лавровыхъ листьевъ, и держалъ въ рукѣ своей бѣленькую палочку; онъ ею махалъ нѣсколько разъ, и чертилъ на полу неизвѣстные круги съ величественнымъ видомъ; потомъ оборотясь ко всѣмъ женщинамъ, тутъ присутствующимъ: я могу, сказалъ онъ имъ, помощію сей палочки не только что узнавать всѣ ваши мысли и намѣренія, но еще и удовольствовать всѣ ваши желанія. Сія рѣчь произвела во всѣхъ женщинахъ великую веселость, но Серафина была погружена въ обыкновенную свою печаль. И такимъ образомъ Агмедъ началъ дѣлать неизвѣстныя заклинанія, а потомъ тронулъ своею палочкою одну молодую женщину, и произнеся

неся нѣкоторыя таинственныя слова, сказалъ: сія красавица желаетъ съ нетерпѣливостію наискорѣе соединиться такими же узами, каковыхъ она была очевидною свидѣтельницею сего утра ; и я ей обѣщаю, что чрезъ три года одинъ молодой и пригожій Мусульманъ съ нею бракосочетается. Тогда чело прекрасной дѣвицы покрылось пріятнымъ румянцемъ ; но прочія женщины совсѣмъ того не примѣчали, ибо всякой хотѣлось знать свою участь. Агмедъ со всею постоянностію и приличными волшебнику тѣлодвиженіями продолжалъ чинить свои предсказанія, и каждая красавица казалась довольною его обѣщаніями. Наконецъ онъ подшелъ къ Серафинѣ, и сказалъ ей: милостивая государыня! естьли бы я не довольно былъ увѣренъ въ могуществѣ моей власти, такъ я

конечно не осмѣлился, и не отва-жился бы изыскать напрасныя си-лы для изгнанія печали, которая царствуетъ въ прекрасныхъ очахъ вашихъ; но прибавилъ онъ, обора-тясь къ своей любезной Аврорѣ: мнѣ извѣстны всѣ печали нѣжной твоей пріятельницы, и я совсѣмъ не намѣренъ чинить ей никакихъ обѣщаній; естьли я помощію своей сокровенной науки могъ вліять надежду въ сердца сихъ красавицъ, то для прекрасной Серафины я из-ыщу и употреблю все свое могуще-ство, чтобъ изгнать навсегда печаль изъ ея сердца, а вмѣсто оной вселить въ него чрезвычайную и неожидаемую радость. Я обѣща-юсь ей возвратить то, чего она не можетъ ни постигнуть, ни на-дѣяться; и по окончаніи сихъ словъ онъ вышелъ изъ залы. Мы по ухо-дѣ его пребывали въ великомъ мол-

чаніи

чаніи и тишинѣ. Я, сошедши съ своего мѣста, сѣлъ подлѣ огорченной Серафины, и не могъ даже понять, какимъ образомъ Агмедъ можетъ изтребить печаль изъ сердца нещастной Серафины. Но великій Боже! могу ли я подробно изобразить тебѣ, что тогда я чувствовалъ, какъ дверь отворилась, и я увидѣлъ Роланда, ведомаго великодушнымъ Агмедомъ! . . . . .

. . . . . .

Естьли бы небо отверзлось предо мною, тогда бы я не столь былъ много удивленъ; я стоялъ неподвиженъ на моемъ мѣстѣ, и не могъ произнести ни одного слова. Что же принадлежитъ до Серафины, то она закричала, ипала безъ чувствъ на землю. Роландъ взялъ ее въ свои объятія, и прижималъ ее съ горячностію къ своему сердцу. Лице нѣжной его супруги бы-

ло омочено слезами; онъ просилъ ее на себя посмотрѣть, и познать въ немъ Роланда; наконецъ она открыла свои глаза, и разсматривая его съ нѣкоторымъ ужасомъ, опять упала въ обморокъ, отъ коего едва могли ее привесть въ самое себя помощію разныхъ спиртовъ и цѣлительныхъ водъ. Все собраніе пребывало въ непрерывномъ молчаніи. Сіе чувствительное приключеніе принудило всѣхъ пролить радостныя слезы. Наконецъ Агмедъ началъ говорить къ Серафинѣ, которая въ объятіяхъ своего супруга казалась еще столько же дрожащею отъ страха, сколько и отъ радости: онъ сказалъ ей слѣдующимъ образомъ:

Прекрасная Серафина! я прошу васъ извинить мой поступокъ, ибо я отложилъ на нѣсколько дней ваше щастіе; будьте извѣстны, что

отъ

отъ одного меня зависѣло возвратить вамъ вашего супруга. Но я, наполненъ будучи къ вамъ почтеніемъ и любовію, почелъ за нужное привесть чрезъ то ваше здравіе въ лучшее состояніе, опасаясь, чтобъ такое неожидаемое и радостное приключеніе не могло вамъ причинить какого нибудь вреда; да притомъ я положилъ твердое намѣреніе соединить васъ въ тотъ же самой щастливый день, въ которой свершилось мое благополучіе. Что же касается до сохраненія жизни Роланду, то симъ щастіемъ обязаны вы нѣжной своей пріятельницѣ, которой неотступная прозьба принудила меня отважиться на всѣ опасности. Мнѣ весьма легко было, бывъ повелителемъ Семибашеннаго замка, избавить супруга вашего отъ смерти. Я обманулъ стражу, и отвелъ его тай-

нымъ образомъ въ сей домъ; а Великаго Визиря увѣрилъ, что я приказалъ его задушить въ своей темницѣ. Въ то время я былъ совершенно увѣренъ, что вскорѣ воспослѣдуетъ великая перемѣна во всей Имперіи, и что бывши предводителемъ непріятельскаго войска, мнѣ также весьма легко было возвратить вамъ свободу. Но возблагодаримъ небо! теперь все совершилось благополучно по моему желанію, и щастливые дни вашей жизни усугубляютъ мое благополучіе.

Серафина, омоченная радостными слезами, употребляла всѣ свои силы къ изъявленію своей чувствительной благодарности симъ двумъ великодушнымъ супругамъ. Ахъ! вскричала она, возведши глаза свои на небо: теперь всѣ мои печали истребились изъ моего сердца, всѣ мои нещастія уничтожены и пре-

даны

даны забвенію. Милосердый Боже! Ты изтребилъ въ одну минуту всѣ мои мученія, возвращая мнѣ любезнаго моего супруга. Осташокъ дня препровожденъ былъ въ восхищеніяхъ и радости, которую я тебѣ ни описать, ни изобразить не въ силахъ.

ПИСЬМО 77.

Отъ Карлоса къ Юліи.

Завтра, любезная Юлія! оставимъ мы Константинополь Какіе суть мои восторги, когда я воображаю что уже скоро соединюсь съ тобою! Ахъ, Юлія! раздѣляй со мною мою радость и мои надежды. Сколько много я терзался, находясь отъ тебя въ отдаленномъ мѣстѣ! и мнѣ казалось, что я уже тебя никогда не увижу.

Авро-

Аврора и Серафина не могутъ возпрепятствовать сильному теченію слезъ своихъ, воспоминая о приближающейся ихъ разлукѣ. Агмедъ употреблялъ всѣ свои силы, чтобъ насъ удержать у себя еще на нѣсколько; но Роландъ не можетъ безъ омерзѣнія и ужаса болѣе жить въ сихъ мѣстахъ, которыя были причиною всѣхъ его нещастій и бѣдствій. Онъ столько возмущенъ, что до тѣхъ поръ не успокоится, пока Серафина не возвратится благополучно въ свое отечество.

О Юлія! будь увѣрена, что уже непремѣнно чрезъ нѣсколько дней свершится наше благополучіе, и наконецъ мы всѣ вѣчно будемъ наслаждаться вожделѣннымъ щастіемъ и спокойствіемъ.

ПИСЬМО 78 И ПОСЛѢДНЕЕ.

Отъ Серафины къ Аврорѣ.

Великодушная моя избавительница! я увѣдомляю тебя о бракѣ сестры моей съ Карлосомъ. Сей нѣжной и добродѣтельной другъ съ излишкомъ заслуживаетъ сію награду, которую мы ему сдѣлали въ знакъ своей благодарности. Я надѣюсь, что они оба будутъ наслаждаться таковымъ же благополучіемъ, каковымъ небо намъ теперь позволило. Карлосъ вознамѣрился купить замокъ, находящійся подлѣ нашей земли. Сіе пріятное сосѣдство свершитъ конецъ его удовольствія и щастія.

Я усердно желаю, любезная Аврора! чтобъ ты наслаждалась такою любовію и благами, каковыми небо насъ теперь наградило. Сердце мое трепещетъ отъ радости. Естьли ми-

минувшія мои нещастія будутъ кому нибудь извѣстны: то я думаю, что они могутъ послужить полезнымъ нравоученіемъ молодымъ людямъ, показывая имъ, что въ отчаяннѣйшемъ и бѣдственнѣйшемъ состояніи находятъ утѣшеніе, и что оно также не рѣдко преобращается въ благополучнѣйшую и пріятнѣйшую жизнь. Ты сама знаешь, что я была удалена отъ своего отечества. Лишенна друзей и родственниковъ, не наслаждалась ли я пріятностію и утѣхами дружбы? и не получила ли я помощію ея потерянное свое благополучіе? Ахъ! безъ сомнѣнія всемогущій Богъ, подвергнувши меня подъ иго толикихъ нещастій и горестей, желалъ чрезъ то утвердить и очистить мое сердце, и сдѣлать его достойнымъ вкушать то великое благополучіе, которымъ

Онъ

Онъ мнѣ позволилъ наслаждаться. Прощай, любезная Аврора! Серафина желаетъ, чтобъ она занимала мѣсто въ твоемъ и въ чувствительномъ и добродѣтельномъ Агмедовомъ сердцѣ. Я питаю себя надеждою, что небо можетъ когда нибудь позволить мнѣ васъ опять увидѣть. Знайте, что драгое и любезное о васъ воспоминовеніе не изтребится никогда изъ благодарнаго и чувствительнаго моего сердца.

Конецъ второй и послѣдней Части.

Moskva, 1789
TF Mar. 11, 54
3-20
PQ 1947
.A1R6
Rare Bk. Coll.